

Патриция МакЛахлан

ПЁС ПОЭТА

Собаки говорят,
но их слышат
только поэты
и дети.
П. М.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Потерян и найден

Я нашёл его в сумерках.
Метель бушевала, темнело.
Вьюга мешала его рассмотреть. Стоя на краю замёрзшего пруда, мальчик дрожал.

У него не было шапки, и светлые волосы словно приклеились к голове.

Ветка дерева с треском упала совсем рядом с ним. Он отпрыгнул в сторону и увидел, как я пробираюсь к нему сквозь сугробы.

Я осторожно потёрся о мальчика носом. Он меня не боялся.

Он боялся лишь бури. Слёзы оставили следы у него на лице.

Мальчик повёл меня к девочке — своей сестре. Она жалась к земле под большим деревом, завёрнутая в одеяло. Сестра была младше брата, ей было лет восемь. Он плотнее укутал её в одеяло.

Я ткнулся носом и в девочку. Когда она встала, я заглянул ей в глаза.

Я о них позабочусь.

Я пёс. Я должен был сразу сказать вам об этом. Но я рос со словами. Поэт Силван взял меня домой из приюта. Он положил мне подстилку красного цвета перед камином, и я рос под щёлканье клавиатуры, пока он писал.

Писал он целые дни напролёт. И читал мне. Силван читал мне Йейтса, Шекспира, Джеймса Джойса, Вордсворта, Натали Бэббит и Билли Коллинза. Читал мне «Паутину Шарлотты», «Льва, колдунью и платяной шкаф», «Утреннюю девушку» и мою любимую историю — «Человека с повозкой, запряжённой быком». Я видел, как слова следуют друг за другом, и чувствовал их спокойствие.

Я понимаю слова, но только двое понимают меня, когда я говорю. Силван однажды объяснил мне это.

«Поэты и дети, — сказал он. — По правде говоря, мы одинаковы. Если не можешь найти поэта, найди ребёнка. Запомни это».

Запомни это.

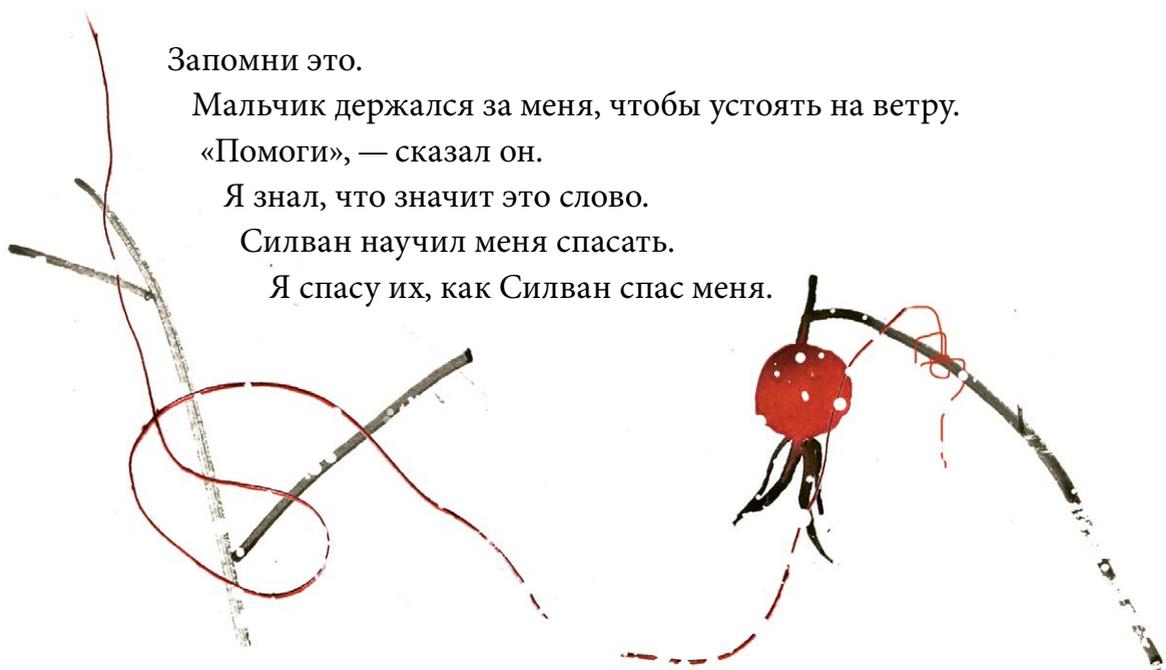
Мальчик держался за меня, чтобы устоять на ветру.

«Помоги», — сказал он.

Я знал, что значит это слово.

Силван научил меня спасать.

Я спасу их, как Силван спас меня.

ПЁС ПОЭТА

Мальчик взял сестру за руку, и они последовали за мной. Мы торопливо шли по лесу, миновали большую скалу, спустились вниз по тропинке возле сарая, где я спал после того, как Силван ушёл. С тех пор прошло только три дня. Я научился считать:

День и ночь раз.

День и ночь два.

День и ночь три.

Или уже четыре дня? Одиночество затуманивает правду о времени.

Студенты, которым Силван преподавал поэзию, кормят меня по очереди. Элли, моя любимица, поняла, что я не могу спать в доме после того, как Силван ушёл. Она забрала бы меня к себе, но знает, что и оставить дом я тоже не могу.

Мальчик положил руку мне на шею. Это оказалось приятно. Силван делал так, когда мы гуляли по лесу. Иногда Силван говорил стихами.

Я готов был заплакать. Но вот ещё кое-что: собаки не могут плакать. Мы чувствуем грусть и горе.

Но плакать мы не способны.

— Куда мы идём? — спросила девочка голосом чистым, как колокольчик. Ветер растрепал её волосы, разметал их по лицу.

— Домой, — ответил я, впервые заговорив.

Она не удивилась.

Она склонилась к моему уху так, что я почувствовал её тёплое дыхание.

— Спасибо, — прошептала она.

Если бы только я мог плакать.

